

Н.Ю. Харитонова

СОВЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ХУАНА ГОЙТИСОЛО В 1965 Г.: ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ФОРМИРОВАНИИ КАНОНА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА

Аннотация

Статья посвящена роли испанского писателя Хуана Гойтисоло в формировании советского канона зарубежной литературы XX в. и его взаимодействию с советскими литераторами. В статье анализируются воспоминания и неопубликованные архивные документы, связанные с поездкой писателя в СССР в 1965 г., и восстанавливаются ее обстоятельства. Исследование убедительно свидетельствует о том, что Гойтисоло был не только гостем Советского Союза, но также выполнял функции консультанта издателей и переводчиков, рекомендуя им произведения современных зарубежных писателей, прежде всего испаноязычных. Переводы большинства из них состоялись бы в СССР и без его участия, а непосредственное влияние можно усмотреть в издании романа его брата Луиса. Не был опубликован только роман Л. Мартина-Сантоса «Время тишины», который предлагал Гойтисоло. Гойтисоло остро осознавал негативные последствия культурной изоляции и политизации искусства в СССР и критически отзывался об ограниченности политики в области переводов. Примером независимости в рамках наложенных государством ограничений для него стала издательская и переводческая деятельность А. Твардовского, Н. Томашевского и Н. Любимова. Личный вклад Гойтисоло в процесс выбора литературных произведений для перевода невозможно оценить точно, но его участие в обсуждениях и обмене мнениями с участниками советского издательского процесса выявляет сложный и коллективный механизм формирования советского литературного канона и его зависимость от политических условий.

Ключевые слова

Хуан Гойтисоло; поездка в СССР; оттепель; Александр Твардовский; Николай Томашевский; Николай Любимов; Луис Мартин-Сантос; советское литературное поле; литературные переводы; канон испанской литературы XX в.

N. Yu. Kharitonova

JUAN GOYTISOLO'S 1965 SOVIET JOURNEY: MEDIATING THE FOREIGN LITERARY CANON AND THE BOUNDARIES OF CULTURAL EXCHANGE

Abstract

This article examines the role of the Spanish writer Juan Goytisolo in shaping the Soviet canon of twentieth-century foreign literature, as well as his interactions with Soviet literary figures. Drawing on memoirs and unpublished archival materials from the writer's 1965 visit to the USSR, the study recounts the circumstances of this trip and reveals that he was not merely a guest but also served as an advisor to Soviet literary institutions and individuals, recommending works by contemporary foreign authors, particularly those writing in Spanish. While most translations were undertaken independently of his influence, his direct involvement is evident in the publication of his brother Luis' novel. A notable exception, however, was Luis Martín-Santos's "Time of Silence", which remained untranslated due to its perceived "complexity" despite his efforts. Goytisolo sharply criticized the USSR's cultural isolation and the politicization of art, highlighting the restrictive nature of Soviet translation policies. He identified figures such as A. Tvardovsky, N. Tomashevsky, and N. Lyubimov as exemplars of independence within state-imposed constraints, particularly through their publishing and translation work. Although Goytisolo's personal influence on text selection cannot be precisely measured, his participation in discussions with Soviet publishers and literary figures underscores the complex and collective mechanism of the formation of the Soviet literary canon and its dependence on political conditions.

Key words

Juan Goytisolo; visit to the USSR; Khrushchev Thaw; Alexander Tvardovsky; Nikolai Tomashevsky; Nikolai Lyubimov; Luis Martín-Santos; Soviet literary field; literary translations; canon of twentieth-century spanish literature.

Хуан Гойтисоло (1931, Барселона – 2017, Марракеш), испанский писатель, наибольшую известность которому принесли его романы и документальная проза конца 1950–1960-х гг. XX в., впервые приехал в СССР летом 1965 г. Еще задолго до этого визита советские литературные критики проявляли вполне обоснованный интерес к его творчеству. В контексте оттепельной либерализации романы Гойтисоло и его общественная позиция соответствовали требованиям, предъявлявшимся к зарубежным «прогрессивным» авторам, произведения которых переводились на русский. Гойтисоло находился в оппозиции к франкистскому режиму, покинул Испанию, с 1956 г. обосновавшись в Париже, а книги его не печатались или запрещались на родине из-за цензурных ограничений. Кроме того, писатель последовательно отстаивал тогда принципы реализма не только в своих социальных романах, но и в литературной полемике, что особенно ценилось в СССР после решений Второго съезда советских писателей, состоявшегося в 1954 г., и предписавшего литературоведческому сообществу уточнить и теоретизировать принципы социализма. Удовлетворяя формальные идеологические требования советской бюрократии, талантливая проза Гойтисоло позволяла чтение между строк и тем проницательным читателям, которым не была знакома современная литература на русском, столь же откровенно повествующая о повседневности страны, жившей в условиях диктатуры.

К этому следует добавить, что помимо литературного творчества, Гойтисоло занимался подготовкой издательских планов испанских и латиноамериканских авторов во Франции, будучи сотрудником престижного парижского издательства «Галлимар», о чем в СССР было известно.

Историки национальных литератур, в основе исследований которых лежит концепция Г. Блума [Блум 2017], понимают под процессом канонизации «отбор, подтверждение ценности, оценку или социально-культурное признание», которое обеспечивается участниками литературного поля и суммой практик, «в современном обществе составляющих литературную институцию» [Carrasco 2008]. Вызовом для устойчивости канона становится издание переводов признанных в отдельной стране авторов, потому что при переносе текстов в другую литературную систему национальные иерархии неизбежно подвергаются трансформации [Paleologos 2014, 369]. В этом смысле, контакты Гойтисоло с советскими функционерами, издателями и переводчиками позволяют поставить вопрос о пределах переноса представлений о ценности того или иного автора из одного культурного контекста в другой.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на взаимодействии испанского прозаика с советскими литераторами, выявим его позицию относительно русской и советской литературы, а также цензурных ограничений, узнаем, в чем заключался его вклад в формировании советского канона переводной литературы XX в.

В шестидесятые приезжающий в СССР писатель еще рассматривался партийной бюрократией как часть «мягкой силы» в международных отношениях, что в случае Испании, с которой не было официальных дипломатических связей, играло важную роль. К этому следует добавить, что писатели обслуживали и интересы советских культурных институций, издательств, редакций литературных журналов, расширяя и формируя представление о зарубежной литературной жизни, и тем самым оказывая определенное влияние на планы издания иностранной переводной литературы на русском языке.

С точки зрения предложенной Р. Франком концепции «дипломатического механизма» [Frank 2003], которая расширяет понятие культурной дипломатии и подразумевает рассмотрение не только официальной составляющей процесса культурных обменов, но и более глубоких индивидуальных связей их участников, личная позиция которых может не совпадать с официальной, а также событий, мероприятий и действий разного рода, история поездки в СССР испанского писателя представляет несомненный интерес.

Побывав в СССР шестидесятых дважды, в 1965 и 1966 гг., писатель долгое время не обращался к теме своих советских путешествий, и только в 1986 г., в книге воспоминаний «Острова отчуждения» (*En los reinos de taifa*), посвятил первой из них одну главу под названием «Машина времени» (“*La máquina del tiempo*”) [Goitisoló 1986, 247–291]. На русский язык, несмотря на то, что фрагменты воспоминаний вошли в перестроечное издание избранных произведений Гойтисоло [Гойтисоло 1988, 398–413], «советская» глава не переводилась. Советским путешественникам писателя зарубежными исследователями внимания до сих пор не уделялось, а являющаяся исключением глава о России в биографии братьев Гойтисоло представляет собой пересказ соответствующих фрагментов из тех же «Островов отчуждения» [Dalmau 1998, 474–481].

Точные обстоятельства первых контактов Гойтисоло с представителями Союза писателей СССР еще предстоит установить, однако уже сейчас можно утверждать, что они завязались благодаря посредничеству французских лите-

раторов. Париж, «фабрика славы» [Казанова 2003, 146], где он обосновался, позволил ему не просто полностью погрузиться в современную литературную и культурную жизнь, но и снискать признание как на Западе, так и в Советском Союзе. Поворотной в его судьбе стала встреча со ставшей его спутницей Моник Ланж, совмещавшей работу в издательстве «Галлимар» с сотрудничеством в редакции журнала «Тан модерн». Ланж, родственница Анри Бергсона, писательница и сценарист, ввела его в свой богемный круг и представила многим современным писателям, среди которых были Маргерит Дюрас и Жан Жене, Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар.

Именно благодаря налаженным советско-французским контактам [Диалог писателей 2002], СП СССР удалось завязать отношения с Гойтисоло в период, когда дипломатических каналов взаимодействия с Испанией не было [Garrido Caballero 2006, 327–410], а ее гражданам поездка в СССР могла стоить свободы на родине, как, в частности, это случилось с 44 испанскими делегатами Фестиваля молодежи 1957 г., прибывшими в Москву из Испании [Kharitonova 2014, 89].

В те годы советские критики получали информацию об испанской литературной жизни благодаря публикациям в французской литературной печати, прежде всего, в журнале «Эроп» (*Europe*). В октябре 1959 г. «Иностранная литература» напечатала перевод эссе о поэтах современной Испании, вышедшего в «Эроп» в марте того же года. Также об этом свидетельствует и обзор «испанского» выпуска журнала за 1959 г., опубликованного на страницах «Вопросов литературы». Редчайшим исключением стало пребывание осенью 1959 г. в СССР автора романа «Дети Максима Худаса» (*Los hijos de Máximo Judas*, 1949), писателя Л. Ландинеса, который подготовил для журнала «Иностранная литература» обзор современной литературной жизни Испании, вышедший во 2 и 4 номерах 1960 г. под псевдонимом А. Гоньи. Ландинес называл Хуана Гойтисоло «известным романистом», причисляя его к направлению критического реализма [Гонья 1960, 182]. Советские литературоведы в предисловиях и статьях о Гойтисоло, также отмечали, что свой опыт он пропускает «сквозь реалистическую линзу» [Степанов 1962, 17], и, высоко оценивая новаторство его «объективной» прозы, называли его признанным «вождем» нового поколения романистов, его самым ярким представителем [Тертерян 1962, 109].

К лету 1962 г. имя Гойтисоло уже было не просто на слуху в СССР, он получил официальное признание: на русском языке вышли его романы «Прибой» (*La Resaca*, 1958) и «Печаль в раю» (*Duelo en el paraíso*, 1955). Тогда же во Флоренции состоялся очередной конгресс КОМЕС, Европейского сообщества писателей [Sabbatini, Litvin 2022], где состоялось первое личное знакомство Гойтисоло с советскими писателями и функционерами, которые прибыли в составе делегации под председательством А. Суркова. Среди делегатов был А. Твардовский, который в последующие годы выступал активным популяризатором творчества испанца, и литературные критики и переводчики Иностранной комиссии СП СССР, вскоре приступившие к организации первой советской поездки Гойтисоло: Г. Брейтбурд и И. Огородникова.

Несмотря на неудачную попытку советской стороны в августе 1963 г. пригласить испанского романиста на съезд Европейского сообщества писателей в Ленинграде, контакты с ним продолжались. Его произведения с удовольствием печатали «Новый мир» и «Иностранная литература», а официальная советская печать уделяла Гойтисоло много внимания, не ограничиваясь материалами об участии писателя в антифранкистской оппозиции, но и заявляя о

нем, как о талантливом авторе. Наконец, в 1964 г. издательство «Прогресс» подготовило объемное издание его произведений, где кроме уже вышедшего на русском языке «Прибоя», были представлены переводы романов «Ловкость рук» (*Juegos de manos*, 1965), «Цирк» (*El circo*, 1957) и «Остров» (*La isla*, 1960) [Гойтисоло 1964]. Значение этого издания было тем более велико, что гонорар за публикацию должен был послужить предлогом для приглашения писателя в СССР. Начиная с этого момента документально прослеживается подготовка приезда Гойтисоло, который был организован Инкомиссией СП СССР.

Осенью 1964 г. Т. Кудрявцева передала в СП пожелание Гойтисоло побывать в СССР в мае 1965 г. Затем он подтвердил свое намерение в беседе с А. Сурковым. Весной поездка была одобрена Международным отделом ЦК КПСС, и Гойтисоло пригласили, взяв на себя все расходы [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2064. ЛЛ. 2–7].

Официальная часть посещения включала встречи с секретарем СП СССР А. Сурковым, председателем Инкомиссии СП СССР В. Чернявским, заместителем председателя И. Огородниковой, секретарем советской группы Европейского сообщества писателей Г. Брейтбурдом, директором издательства «Прогресс» И.К. Замчевским, посещений редакций журналов «Иностранная литература» и «За рубежом», «Литературной газеты» и «Литературной России».

Основными темами протокольных встреч в Инкомиссии было участие испанских писателей в Международном ПЕН-клубе и Европейском сообществе писателей. Дав отрицательную оценку первому, Гойтисоло с энтузиазмом отзывался о втором. В работе Сообщества, по его сведениям, участвовало около семидесяти интересных и достойных молодых авторов под руководством Х.-М. Кастельета, лучшего современного испанского критика, по словам Гойтисоло. Инкомиссию особенно интересовал вопрос, каким образом можно завязать контакты с испанскими авторами, в первую очередь коммунистами. Гойтисоло считал, что Сообщество могло бы стать «одним из каналов, через который удастся осуществить приглашение испанских писателей в СССР» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 9].

Данное обсуждение повлияло на дальнейшее развитие отношений с испанскими критиками лишь опосредованно, будучи интегрированным в более широкий спектр политических и культурных взаимодействий. С одной стороны, Гойтисоло еще до своей поездки выступал посредником между редакцией журнала «Иностранная литература» и Кастельетом, пересылая письма из СССР в Испанию, а из Испании – в СССР [РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Д. 113. Л. 1]. Знаменитая антология «Двадцать лет испанской поэзии» (*Veinte años de poesía española*, 1960), изданная критиком в издательстве «Сещ Баррал» в Барселоне, легла в основу подборок переводов испанских поэтов на русский язык, опубликованных в «Иностранной литературе» в 1960 и 1964 гг., однако сам Кастельет, «ключевая фигура в сплетении международных отношений каталонский интеллигенции в шестидесятые и семидесятые» [Foguet i Boreu 2022, 340] так и не приехал в СССР. Когда отношения между Испанией и СССР потеплели, советская делегация побывала на барселонской сессии исполкома Международной ассоциации литературных критиков, где с докладом выступал Кастельет, а среди публики были братья Гойтисоло, Луис и Хосе Агустин, что свидетельствует о продолжении завязавшихся в середине шестидесятых контактов.

6 июля 1965 г., во время беседы с директором издательства «Прогресс», Гойтисоло, отвечая на вопрос «относительно писателей Латинской Америки, последние произведения которых представили бы интерес для советского чита-

теля», рекомендовал к публикации роман перуанского писателя Х.М. Аргедаса «Глубокие реки» (*Los ríos profundos*, 1958) и рассказы кубинца Х. Рульфо [ГАРФ. Ф. Р-9590. Оп. 1. Д. 657. Л. 44]. Эти рекомендации были основаны на личной практике Гойтисоло, который принимал участие в подготовке издания Аргедаса на французском, опубликованного в 1966 г. Вероятно, в 1965 г. он рецензировал и рассказы Рульфо. А вот в СССР оба названных Гойтисоло автора были напечатаны не «Прогрессом», а «Художественной литературой»: издание прозы Рульфо состоялось в 1970 г., в то время, как роман Аргедаса вышел в 1972 г. Таким образом, утверждать, что фактом издания эти авторы обязаны именно Гойтисоло, невозможно, но это только подчеркивает отсутствие линейности в процессе отбора и признания произведений, закладывающего основы для формирования литературного канона и, безусловно, являющегося результатом «коллективных усилий» [Сухих 2016, 332].

Летом 1965 г. Гойтисоло стал гостем редакции журнала «Новый мир», где его принимали главный редактор, А. Твардовский, с которым он до этого встречался во Флоренции, и члены редколлегии, литературные критики А. Дементьев, Б. Закс и В. Лакшин. В отчете Инкомиссии содержится оценка, которая может отражать мнение Гойтисоло:

... свободный обмен различными мнениями при обсуждении советской и зарубежной литературы, который состоялся в редакции «Нового мира», Х. Гойтисоло рассматривает как радостный результат изменений, произошедших в СССР после XX съезда партии [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 7].

Хотя в воспоминаниях писатель не останавливается на объяснении причин, позволивших развернуться оживленной беседе в редакции, общую оценку встречи он не изменил. Он пишет, что Твардовский встретил его с «распростертыми объятиями», представив своим сотрудникам. Испанец напоминал, что благодаря Твардовскому были напечатаны первые произведения Солженицина, поясняя, что это было предопределено «независимым характером» редактора «Нового мира» и его открытостью к «новым идеям» – однозначно ценными качествами в системе представлений Гойтисоло.

Кроме того, Гойтисоло вспоминал, что Твардовский интересовался его мнением о Пабло Неруде, на что ответил ему откровенно: «Двадцать процентов его произведений кажутся мне великолепными, шестьдесят – средними, а остальные – отвратительными» [Goytisolo 1986, 251]. Твардовский поддержал его и заверил, что пока он занимает место редактора, в его журнале стихи Неруды не появятся. И в самом деле, на русском Неруда был преимущественно автором журналов «Иностранная литература» и «Знамя», что дополнительно выявляет литературные предпочтения разных редакций, их известную независимость.

Туристическая программа поездки Гойтисоло включала посещение Ялты, где его разместили в Доме творчества писателей, «вселенной Кафки», по его словам. Нон-конформист Гойтисоло неоднократно подчеркивал, что среди представителей государственной бюрократической системы он не находил себе места и испытывал «клаустрофобию». Редкими исключениями в безотрадной, по мнению романиста, картине писательского быта стали встречи в Крыму с переводчиками иностранной литературы.

В Ялтинском доме тогда же отдыхал Н. Любимов с семьей, которого Гойтисоло встретил в парке. Любимов «поздоровался легким кивком головы», но разговора не завязал, что писатель интерпретировал как знак скромности, отличавшей его от других обитателей дома творчества [Goytisolo 1986, 280]. Гойтисоло восхищался Любимовым, интеллектуалом, «знаменитым переводчиком с французского и испанского», среди переводов которого не только великие романы Сервантеса и Рабле, опубликованные на русском, но и цикл «В поисках утраченного времени» (*À la recherche du temps perdu*, 1913–1927) Пруста, как он считал, переведенный «в стол». Необходимо уточнить, что переводы первых трех частей романа выходили в 1973, 1976 и 1980 гг. в издательстве «Художественная литература», о чем Гойтисоло, видимо, не знал в момент написания мемуаров, а полное издание вышло в 1992 г. в московском издательстве «Крусь».

Яркие воспоминания остались у Гойтисоло и от встречи в Крыму с Н. Томашевским. Испанский писатель напоминал, что Томашевский был сыном одного из основателей формалистской школы, но ко всему прочему, «человеком безграничной жизненной энергии» [Goytisolo 1986, 284]. Примечателен разговор с Томашевским о русской литературе, который в значительной степени демонстрирует вкусы самого Гойтисоло в середине восьмидесятых. Томашевский называл ему имена А. Платонова и М. Булгакова, которых постепенно начинали печатать, но еще не перевели на иностранные языки. Среди современных советских поэтов Томашевский выделял А. Вознесенского. Говорили они и о Б. Ахмадулиной, утонченные стихи которой, опубликованные в «Летр франсез» (*Les Lettres françaises*), произвели на Гойтисоло впечатление (речь идет о рецензии из № 1103 «Летр франсез» за 1965 г. на подборку переводов Ахмадулиной, которая вошла в антологию русской поэзии, подготовленную Э. Триоле. *La poésie russe*. Paris, Éd. Seghers, 1965), хотя, на его взгляд, им не хватало глубины и мощи поэзии А. Ахматовой и М. Цветаевой.

Самую ироничную оценку, однако, заслужил Е. Евтушенко, причем определенно ретроспективно, потому что в письме 1965 г. в Москву он сообщал о своем желании познакомиться с молодыми советскими писателями, которыми он восхищался: «Казаковым, Аксеновым и Евтушенко» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2064. Л. 1 об.]. Однако, из воспоминаний следует, что познакомиться с поэтом он смог лишь год спустя, в 1966 г. Евтушенко пригласил его в ресторан Дома литераторов, но во время застолья так пылко жестикулировал, что испанец почувствовал себя неловко [Goytisolo 1986, 257]. В скорее всего вымышленном разговоре с Томашевским о Евтушенко, Гойтисоло сравнил его с испанским романтическим поэтом Х. Соррилей, который, по словам Э. д'Орса, был как механическое пианино, устающее нажимать свои педали. Томашевский якобы продолжил шутку, заметив, что от Евтушенко устают читатели, тогда как сам он неутомим [Goytisolo 1986, 285].

Встречи и беседы с советскими литераторами ложатся в основу общего представления Гойтисоло о литературе в СССР. Прежде всего это касается переводной литературы. Это мнение сформировалось у него еще в 1965 г., когда он сетовал: «... в СССР не печатаются или почти не печатаются произведения таких лучших современных французских писателей как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Маргерит Дюрас и др.» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 7].

Гойтисоло отмечал абсолютное незнание современных иностранных авторов советскими писателями, их упрямый догматизм и самодовольную посредственность: «ни Пруст, ни Джойс, ни Кафка, ни Свево, ни Борхес не были

переведены на русский» [Goytisolo 1986, 251]. Хотя Гойтисоло не слишком точен, потому что Джойс переводился в журнале «Интернациональная литература» в 1935–1936 гг., у него, рассуждающего в середине восьмидесятых, вызывало непонимание, что «советники испанского отдела» журнала «Иностранная литература» популяризировали антифранкистскую, ангажированную литературу, и печатали «поэзию Селайи и Маркоса Аны, а не Сернуды, прозу Долорес Медियो, а не Мартин-Сантоса» [Goytisolo 1986, 251]. Между тем, если обратиться к документам 1965 г., Гойтисоло был убежден в большом значении этих авторов [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 5.]. Среди современных прозаиков в 1965 г. Гойтисоло выделял А.М. Матуте, романы своего брата Луиса «Окраины» (*Las afueras*, 1958) и «Те же слова» (*Las mismas palabras*, 1962), произведения Х. Фернандеса Сантоса и К. Мартин Гайте. Лучшими, по его мнению, стали романы Р. Санчеса Ферлосио «Харама» (*El Jarama*, 1956) и роман Луиса Мартина-Сантоса «Время тишины» (*Tiempo de silencio*, 1961), который он рекомендовал бы перевести на русский язык» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 6].

Большинство современных испанских авторов так называемого «поколения 50-х годов», работавших в реалистической манере, и которых Гойтисоло перечислял в беседах с представителями Инкомиссии, действительно были известны в СССР шестидесятых и многие из них впоследствии были канонизированы испанистами [Тертерян 1973, 461–468; Штейн 1994, 536–543]. К 1965 г. уже были переведены романы Д. Медियो «Государственный служащий» (*Funcionario público*, 1956) и «Бибиана» (*Bibiana*, 1963). Широко печаталась в СССР, начиная с шестидесятых, и А.М. Матуте.

Если же говорить о возможном влиянии писателя на издательскую работу в СССР, стоит упомянуть издание романа «Все те же слова» Л. Гойтисоло в переводе и с предисловием Н. Томашевского и В. Силюнаса, знакомых Хуана, так что в осуществлении этого проекта в 1967 г. просматривается результат поездки последнего в СССР. Произведения Х. Фернандеса Сантоса отдельными изданиями не выходили, но в 1965 г. его рассказ «Стриженная голова» (“*Cabeza rapada*”, 1958), как и новеллы К. Мартин Гайте, вошли в антологию «Испанская новелла XX века», составителем которой вновь выступал тот же Н. Томашевский и его ученик из поколения «детей испанской войны», с которым Гойтисоло познакомился в Париже и тесно общался в Москве, А. Аргуэльяс Мансо, более известный в СССР под своей второй фамилией.

С этим изданием связана еще одна история из воспоминаний испанца, скорее всего апокрифическая. Гойтисоло пишет, что подготовку антологии курировали представители КПИ в эмиграции. Якобы во время одной из проверок партийные руководители не обнаружили среди авторов Хорхе Семпруна и распорядились немедленно включить его в книгу. Мансо и Томашевский были вынуждены в срочном порядке добывать верстку из Парижа и готовить перевод для русского издания. Однако уже во время следующего контроля испанские коммунисты велели изъять отрывок из антологии, потому что в 1965 г. Семпруна исключили из партии [Goytisolo 1986, 286]. Вероятнее всего Гойтисоло имеет в виду роман Семпруна «Долгий путь» (*El largo viaje*, 1963), который в Париже был опубликован в 1963 г., а в СССР – только в период перестройки. Гойтисоло воспроизводит этот случай как свидетельство конфликта идеологии и литературного творчества, который вылился в отказ от печати неудобного КПИ автора, что с его точки зрения было недопустимо.

Еще одним примером необъяснимой издательской судьбы в СССР стал для Гойтисоло случай Л. Сернуды, которого, согласно документам 1965 г., он считал «самым значительным испанским поэтом XX столетия» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2063. Л. 6–7]. Переводы этого собрата Ф. Гарсиа Лорки по «поколению 27-го года» появились в СССР с большим запозданием, в конце семидесятых, но, пожалуй, Сернуда так и не был оценен по достоинству русскоязычным читателем и не стал частью советского канона испанской и зарубежной литературы.

То же самое можно сказать и о романе Р. Санчеса Ферлосио «Харама». Тем не менее, если его изданию и пришлось ждать до 1983 г., все-таки оно состоялось, а вот абсолютным исключением в настойчивых рекомендациях Гойтисоло стало творчество Л. Мартина-Сантоса, обойденное полным молчанием и советской критикой, и испанистами, и издателями (при том, что сегодня зарубежные исследователи считают его роман важнейшим произведением испанской литературы середины XX в.).

В воспоминаниях есть отголоски разговора о Мартине-Сантосе в СССР. Гойтисоло поинтересовался, почему на русском не вышел роман «Время тишины», первое издание которого увидело свет в 1961 г. в Барселоне и стало событием литературной жизни Испании. Ответ собеседницы привел его в изумление: «Речь идет, сказала она, о слишком сложном романе, и советский читатель не понял бы его» [Goytisolo 1986, 253]. Традиционный прием советской критики, выполнявшей задачи формовки читателя [Добренко 1997], входил в обязательный набор рецензента зарубежной литературы, но для Гойтисоло ситуация стала источником развернутого комментария относительно подобной практики.

Испанский писатель был уверен, что с таким подходом «интеллектуальный и литературный рост невозможен, и аудитория страны, будучи лишенной самых значительных и обогащающих произведений, даже в 2000 г. не достигнет совершеннолетия» [Goytisolo 1986, 252]. Он был убежден, что это не «улучшение литературного вкуса» публики, а «демагогическая и патерналистская позиция тех, кто решает упростить творчество и присвоить себе право решать, что народ понимает или не понимает в недостатках искусства и литературы» [Goytisolo 1986, 253]. Очевидно, что у Гойтисоло советская система управления литературой вызвала стойкое неприятие. Отсутствие переводов зарубежных авторов XX в., которые эстетически и идеологически не соответствовали запросу литературных функционеров, безусловно приводило к формированию особого, советского канона литературы XX в.

История поездки Гойтисоло в СССР позволяет не только получить представление о его знакомстве со страной, но и становится источником информации о советском литературном поле эпохи хрущевской оттепели. В своих воспоминаниях писатель отмечал догматизм и серость бюрократии от литературы, рассуждал о пагубных последствиях цензурного гнета и культурной изоляции в СССР, в чем безусловно сказывается его собственный писательский опыт в Испании пятидесятых. Несмотря на это, особое его внимание привлекали проявления независимости среди литераторов и деятелей культуры, стремление к расширению горизонтов творчества и поиск способов выйти за рамки, установленные государством. В этом смысле, большое значение Гойтисоло придавал переводу зарубежной литературы на русский язык. И хотя его рекомендации были лишь частью общего процесса издания современных испанских и латиноамериканских авторов, и, как можно убедиться, не всегда

отвечали интересам и задачам советских издателей, все же следует признать, что пределы влияния Гойтисоло лишь подчеркивают сложность динамики отбора и специфику канонизации иностранной литературы в СССР.

ИСТОЧНИКИ

1. Запись беседы директора издательства «Прогресс» Замчевского И.К. с испанским писателем Х. Гойтисоло // ГАРФ. Ф. Р–9590. Оп. 1. Ед. хр. 657. Л. 44.
2. Материалы о пребывании в СССР Хуана Гойтисоло с 3 июля по 6 августа 1965 г. (отчет, докладная записка, справка, запись беседы) // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2063. 13 л.
3. Переписка с Хуаном Гойтисоло о поездке в СССР. 19 марта–17 августа 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 2064. 8 л.
4. Гоньи А. Остановить прогресс нельзя. Заметки о литературной жизни Испании // Иностранная литература. 1960. № 4. С. 180–185.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блум Г. Западный канон: книги и школа всех времен. М.: Новое Литературное обозрение, 2017. 667 с.
2. Гойтисоло Х. Из книги «Острова отчуждения» // Гойтисоло Х. Избранное. М.: Радуга, 1988. С. 398–413.
3. Гойтисоло Х. Ловкость рук. Прибой. Цирк. Остров. М.: Прогресс, 1964. 621 с.
4. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 906 с.
5. Добренко Е.А. Формовка советского читателя. СПб: Академический проект, 1997. 320 с.
6. Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Издательство имени Сабашиных, 2003. 416 с.
7. Степанов Г.В. Хуан Гойтисоло и его роман «Печаль в раю» // Гойтисоло Х. Печаль в раю. М.: ГИХЛ, 1962. С. 5–16.
8. Сухих И.Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Вып. 3. Т. 17. С. 329–336.
9. Тертерян И.А. Испытание историей. Очерки испанской литературы XX века. М.: Наука, 1973. 526 с.
10. Тертерян И.А. Путь испанского романа // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 98–115.
11. Штейн А.А. История испанской литературы. М.: Филология, 1994. 608 с.
12. Carrasco M.I. Procesos de canonización de la literatura chilena // Revista chilena de literatura. 2008. № 73. P. 139–161.
13. Dalmau M. Los Goytisolo. Barcelona: Anagrama, 2002. 608 p.
14. Foguet i Boreu F. Ricard Salvat bajo la órbita de Moscú (1962–1973) // Europa en España. Redes intelectuales transnacionales (1960–1975). Madrid: Silex, 2022. P. 339–362.
15. Frank R. La machine diplomatique culturelle française après 1945 // Relations internationales. 2003. № 115. P. 325–348.
16. Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral. Murcia: Universidad de Murcia, 2006. S.p.
17. Goytisolo J. En los reinos de taifa. Barcelona: Seix Barral, 1986. 309 p.
18. Kharitonova N.Yu. Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español de 1939 en la Unión Soviética. Sevilla: Renacimiento, 2014. 258 p.
19. Paleologos K. Canon literario y traducción literaria. El caso de la traducción de la literatura española al griego // Cincuentenario de la Asociación Internacional de Hispanistas. Coruña: Universidade da Coruña; Servizo de Publicacións, 2014. P. 369–380.

20. Sabbatini M., Litvin E. La Comunità europea degli scrittori e l' URSS dal disgelo agli anni Settanta // *Mondo contemporáneo*. 2020. № 2–3. P. 45–63.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Carrasco M.I. Procesos de canonización de la literatura chilena. *Revista chilena de literatura*, 2008, no. 73, pp. 139–161. Available at: <https://dx.doi.org/10.4067/S0718-22952008000200006> (accessed 26.06.2025). (In Spanish).
2. Frank R. La machine diplomatique culturelle française après 1945. *Relations internationales*, 2003, no. 115, pp. 325–348. (In French).
3. Sabbatini M., Litvin E. La Comunità europea degli scrittori e l' URSS dal disgelo agli anni Settanta. *Mondo contemporáneo*, 2020, no. 2–3, pp. 45–63. (In Italian).
4. Sukhikh I.N. Russkiy literaturnyy kanon XX veka: formirovaniye i funktsii [The Russian Literary Canon of the 20th Century: Formation and Functions]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 329–336. (In Russian).
5. Terteryan I.A. Put' ispanskogo romana [The Path of the Spanish Novel]. *Voprosy literatury*, 1962, no. 6, pp. 98–115. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Foguet i Boreu F. Ricard Salvat bajo la órbita de Moscú (1962–1973). *Europa en España. Redes intelectuales transnacionales (1960–1975)*. Madrid, Sílex, 2022, pp. 339–362. (In Spanish).
7. Paleologos K. Canon literario y traducción literaria. El caso de la traducción de la literatura española al griego. *Cincuentenario de la Asociación Internacional de Hispanistas*. Coruña, Universidade da Coruña; Servizo de Publicacións, 2014, pp. 369–380. (In Spanish).
8. Stepanov G.V. Khuan Goitisoló i yego roman “Pechal’ v rayu”. Goytisoló J. *Pechal’ v rayu*. Moscow, GIKhL Publ., 1962, pp. 5–16. (In Russian).

(Monographs)

9. Bloom G. *Zapadnyy kanon: knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye Publ., 2017. 667 p. (In Russian).
10. Dalmau M. *Los Goytisoló*. Barcelona, Anagrama, 2002. 608 p. (In Spanish).
11. *Dialog pisateley. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazey XX veka. 1920–1970* [Dialogue of Writers. From the History of Russian-French Cultural Ties of the 20th Century. 1920–1970]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002. 906 p. (In Russian).
12. Dobrenko E.A. *Formovka sovetskogo chitatelya* [Shaping the Soviet Reader]. Saint-Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1997. 320 p. (In Russian).
13. Kazanova P. *Mirovaya respublika literatury* [The World Republic of Literature]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ., 2003. 416 p. (In Russian).
14. Kharitonova N.Yu. *Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español de 1939 en la Unión Soviética*. Sevilla, Renacimiento, 2014. 258 p. (In Spanish).
15. Shteyn A.A. *Istoriya ispanskoy literatury* [History of Spanish Literature]. Moscow, Filologiya Publ., 1994. 608 p. (In Russian).
16. Terteryan I.A. *Ispytaniye istoriyey. Ocherki ispanskoy literatury XX veka* [The Test of History. Essays on 20th Century Spanish Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 526 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

16. Garrido Caballero M. *Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX*. Murcia, Universidad de Murcia, 2006. S.p. (In Spanish).

Харитонова Наталья Юрьевна,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Научные интересы: история испанской литературы XX века, испанско-русские связи, мировая литература, литературный канон.

E-mail: barrocorggu@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1254-6284

Natalia Yu. Kharitonova,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

PhD in Philology, Senior Researcher.

Research interests: History of Twentieth-century Spanish Literature, Spanish-Russian Relations, World Literature, Literary Canon.

E-mail: barrocorggu@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1254-6284